

ПАВЕЛ ЛИМОНОВ

ПОСЛЕ РАЗВОДА.
БЫВШИЙ
ЗАЛОЖИЛ
МОЙ ДОМ

Павел Лимонов

**После развода. Бывший
заложил мой дом**

«Автор»

2026

Лимонов П.

После развода. Бывший заложил мой дом / П. Лимонов —
«Автор», 2026

Через два года после развода я получаю письмо из банка: мой дом заложен по кредиту компании бывшего мужа. Долг — двадцать семь миллионов. На документах стоит моя электронная подпись, хотя согласия я не давала. Константин просит не поднимать шум и уверяет, что все исправит. Но однажды он уже решил, что вправе распоряжаться нашей жизнью без меня. Второго раза не будет. Чтобы сохранить дом, я нанимаю независимого эксперта Матвея Корсакова. Он не обещает удобной правды, задает неприятные вопросы и шаг за шагом восстанавливает путь спорных документов. Чем ближе мы к разгадке, тем настойчивее бывший требует моего молчания — и тем труднее мне держать Матвея на расстоянии. Мне предстоит доказать, что моим именем воспользовались, выяснить, кто действительно стоял за сделкой, и решить, способна ли я снова довериться мужчине. Но свой дом и право распоряжаться собственной жизнью я больше никому не отдам.

Содержание

ГЛАВА 1. Требование	5
ГЛАВА 2. Запись в реестре	10
ГЛАВА 3. Подпись после развода	14
ГЛАВА 4. Эксперт без обещаний	18
ГЛАВА 5. Цена молчания	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Павел Лимонов

После развода. Бывший заложил мой дом

ГЛАВА 1. Требование

Курьер просит меня расписаться в получении письма и дважды сверяет номер дома. В понедельник утром это раздражает сильнее, чем должно: через двадцать минут у меня совещание, ноутбук уже лежит в машине, а мужчина в синей ветровке перелистывает бумаги так, словно ищет основание не отдавать мне конверт.

— Дарья Андреевна Веденеева?

— Да. Паспорт вы видели.

Он наконец протягивает планшет. Я ставлю подпись, забираю плотный белый конверт и закрываю калитку. На обратной стороне указан банк «Балтийский деловой». Я не пользуюсь его услугами, кредитов у меня нет, а единственная карта этого банка осталась закрыта еще во время развода.

Здравый человек отложил бы письмо до вечера. Я одиннадцать лет проверяю договоры и знаю, сколько неприятностей начинается со слов «потом посмотрю».

На кухне я разрезаю край конверта ножом для бумаги. Внутри четыре страницы и приложение с реквизитами. Первую минуту я уверена, что письмо адресовано однофамилице. Потом вижу кадастровый номер.

Он заканчивается на 418. Я помню эти цифры, потому что два года назад вписывала номер дома в соглашение о разделе имущества и проверяла каждую строку перед подписью.

Банк уведомляет залогодателя о нарушении заемщиком условий кредитного договора. Заемщик — ООО «НордЛайн Логистика». Сумма просроченной задолженности указана отдельно. Ниже стоит предупреждение: при неисполнении обязательств банк вправе обратиться взыскание на предмет ипотеки.

Предмет ипотеки — мой дом.

Я читаю страницу второй раз. Потом третью, уже медленно, с даты и номера кредитной линии. Текст остается тем же. В нем нет ошибки, которую можно исправить перестановкой запятой. У банка есть номер записи об ипотеке, дата регистрации и оценочная стоимость недвижимости: тридцать восемь миллионов шестьсот тысяч рублей.

Дом оценивают точнее, чем мое согласие.

Я кладу письмо на стол и набираю номер с официального сайта банка, а не тот, что напечатан в требовании. Автоматическое меню предлагает вклады, карты и кредиты. На четвертой минуте отвечает оператор.

— Я получила требование как залогодатель, но никогда не заключала договор ипотеки.

— Назовите номер обращения.

Я диктую.

Оператор просит подождать. В трубке играет ровная мелодия. Я открываю календарь и отменяю участие в утреннем совещании, не объясняя причину. Начальнику пишу, что возник срочный имущественный вопрос и к одиннадцати я подключусь удаленно.

— Дарья Андреевна, документ зарегистрирован в системе, — говорит оператор. — Для предоставления подробной информации вам необходимо обратиться в отдел сопровождения корпоративных кредитов.

— Назовите дату договора ипотеки.

Она называет. Восемь месяцев назад.

К тому времени мы с Константином были разведены больше года.

— Каким образом договор подписан?

— Я не располагаю документами кредитного дела. Могу зарегистрировать обращение.

— Регистрируйте. В тексте укажите: собственник отрицает заключение договора и просит не предпринимать действий до проверки полномочий подписанта.

Оператор перечитывает формулировку. Я записываю номер обращения и время разговора. Только после этого замечаю, что стою у стола, хотя стул рядом. Сажусь и открываю папку с документами на дом.

Свидетельство о наследстве, старые выписки, технический план. Соглашение о разделе имущества лежит в прозрачном файле. Пункт о доме короткий: стороны подтверждают, что объект получен мной по наследству до брака, совместной собственностью не является, права Константина Воронцова на него отсутствуют.

Когда мы подписывали соглашение, нотариус спросила каждого отдельно, понимаем ли мы последствия. Константин ответил первым. Потом шутил на улице, что теперь даже садовый шланг принадлежит мне безраздельно.

Я не смеюсь, вспоминая это.

В девять двадцать звоню сестре. Инна берет трубку сразу, но на заднем плане кто-то спрашивает у нее про ранний заезд. Она управляет гостиницей и до полудня разговаривает одновременно с тремя людьми.

— Даша, у тебя пожар?

— Пока нет. Мне нужно вспомнить: я когда-нибудь говорила тебе, что собираюсь закладывать дом ради компании Кости?

Инна отходит от стойки, и шум в холле становится тише.

— Ты дважды говорила, что никогда этого не сделаешь. Один раз после его предложения взять кредит на новый склад, второй — перед разводом. Что случилось?

— Банк считает, что дом в ипотеке.

— Ты что-нибудь подписывала?

— Нет.

— Тогда звони в полицию.

— Сначала я получу выписку и договор. И найду адвоката.

— Я могу приехать.

— Не сегодня. У тебя полный отель, а у меня пока письмо, а не приставы у калитки.

Инна ругается вполголоса. Я позволяю ей закончить и обещаю прислать фотографию требования. Ее желание приехать действует на меня лучше успокоительных речей. У меня есть место, куда можно уехать. Именно поэтому я не хочу уезжать.

В десять я подключаюсь к рабочему совещанию. Камеру выключать нельзя: мы обсуждаем претензию подрядчика, который требует изменить цену уже выполненного этапа. Я вижу на экране шесть лиц и собственное изображение в правом углу. Обычная белая блузка, волосы собраны, голос звучит ровно. Никто не обязан по нему определить, что час назад мой дом превратился в обеспечение чужого долга.

— Дарья Андреевна, что у нас по основанию корректировки? — спрашивает директор проекта.

Я открываю нужный файл.

— Основания нет. В письме подрядчик ссылается на приложение номер три, но оно регулирует стоимость дополнительных работ. Дополнительные работы не заказывались. Предлагаю запросить расчет и не подписывать изменение цены до подтверждения объема.

Рабочая логика проста: документ, полномочие, срок, последствие. Я держусь за нее до конца встречи.

После совещания начальник, Сергей Михайлович, звонит отдельно.

— Что произошло?

— Пока разбираюсь. Банк сообщил об ипотеке на мой дом по кредиту компании бывшего мужа.

Он молчит секунду.

— Это может затронуть твою работу?

— Наши контрагенты с его компанией не связаны. Если найду пересечение, сообщу. Сегодня мне понадобится два часа на документы.

— Бери день.

— Не нужно. К вечеру пришлю заключение по подрядчику.

— Даша, я предлагаю не медаль за стойкость, а свободный день.

— Тогда до трех. Потом вернусь к работе.

Он соглашается без спора. Я записываю договоренность в календарь. Привычка кажется смешной, но именно незаписанная договоренность сейчас угрожает моему дому.

Номер Константина нахожу в списке недавних вызовов. Мы разговаривали три месяца назад из-за письма налоговой, пришедшего на старый адрес. Развод не сделал нас врагами. Он просто прекратил ежедневные переговоры, в которых мое «нет» слишком часто считалось первым предложением торга.

Я звоню.

— Даша? — отвечает он после второго гудка. — Что-то случилось?

— Мне пришло требование «Балтийского делового». По кредиту «НордЛайна».

Пауза длится достаточно, чтобы я перестала надеяться на ошибку курьера.

— Я хотел сам поговорить.

— Когда?

— На этой неделе.

— После требования банка?

— Я не знал, что они уже разослали уведомления. У нас задержка по двум платежам, но мы закрываем кассовый разрыв. Через месяц ситуация выровняется.

— Почему в залоге мой дом?

— Это обеспечение линии. Дополнительное. Банк не станет ничего делать, если мы внесем платеж.

— Я не спрашиваю, станет ли банк что-то делать. Я спрашиваю, почему мой дом указан в договоре.

Он начинает говорить про технику, контракт с крупной сетью и сезонные платежи. Я слушаю первые два предложения.

— Костя. Я подписывала договор ипотеки?

— Документы оформлял финансовый отдел.

— Это не ответ.

— Насколько я понимаю, пакет проходил в электронной форме. Там было согласование.

— Мое?

— Мне сказали, что вопрос решен.

— Кто сказал?

— Глеб. Но давай не будем сейчас искать виноватого. Никакой реальной угрозы дому нет.

— Ты видел дом в перечне обеспечения?

— Даша, я видел десятки страниц.

— Да или нет?

— В перечне он был.

Я закрываю глаза, чтобы не смотреть на собственную кухню. Это ничего не меняет физически, зато помогает не перебить его.

— Когда ты его увидел?

— В декабре. Я считал, что с тобой все согласовали.

— Ты мне не позвонил.

— Мы почти не общались. После развода ты дала понять, что не хочешь иметь отношения к компании.

— Именно поэтому ты решил, что я отдам ей дом?

— Я решил, что сотрудники получили твое согласие. Даша, послушай. Я приеду вечером, покажу график. Нам нужно несколько недель. Если ты сейчас поднимешь шум, банк ускорит взыскание со всего бизнеса.

— Не приезжай. Присылай копии кредитного договора и договора ипотеки.

— Они содержат банковскую тайну.

— Тогда объясни банку, почему собственник залога не видел документы.

— Не делай резких движений.

— Первое резкое движение уже сделано. Восемь месяцев назад.

Я заканчиваю разговор. Он перезванивает, но я отклоняю вызов и отправляю сообщение: «Прошу общаться письменно. Нужны копии всех документов, подписанных или поданных от моего имени».

Ответ приходит через минуту: «Давай встретимся. Это можно решить без суда».

Я не отвечаю.

На сайте Росреестра нахожу способ заказать выписку. Проверяю адрес страницы, вхожу через подтвержденную учетную запись и заполняю запрос. Система принимает оплату и выдает номер.

Затем открываю список адвокатов, которых когда-то присылал наш корпоративный юрист. Мне нужен не знакомый Константина, не человек, готовый за десять минут пообещать победу, и не специалист по семейным ссорам. Я выбираю троих с опытом споров о недвижимости и электронной подписи.

Первая помощница предлагает запись через неделю. Вторая контора просит заранее прислать все документы на обычную почту и обещает «гарантированно снять обременение». Третья отвечает спокойно:

— Нина Валерьевна сможет принять вас завтра в девять. До встречи пришлите только требование банка и документы о праве собственности через защищенную форму. Если выписка придет раньше, добавьте ее.

— Вы можете сказать, насколько срочно подавать в суд?

— Без документов адвокат этого не скажет. Сегодня зафиксируйте возражение в банке и не подписывайте никаких соглашений.

— Возражение уже зарегистрировано.

— Возьмите подтверждение с входящим номером.

Я записываюсь.

К трем часам возвращаюсь к договору подрядчика. Работа идет медленнее обычного. Дважды я открываю не тот файл, один раз пропускаю ссылку на приложение. На третий раз встаю, наливаю воды и заставляю себя составить отдельный список: что известно, что сказано, что подтверждено.

Известно: банк прислал требование.

Подтверждено письмом: дом указан предметом ипотеки, компания допустила просрочку.

Сказано Константином: он видел дом в перечне и доверился финансовому директору.

Неизвестно: какой документ подписан от моего имени и как.

В семь вечера я закрываю рабочий ноутбук. От Константина пришло еще пять сообщений. В последнем он пишет, что готов компенсировать расходы и просит не обращаться в банк до встречи.

Номер моего обращения уже существует. Завтра будет выписка. Послезавтра, если понадобится, появится иск.

Я сохраняю переписку отдельным файлом и ставлю резервное копирование. Дом пока стоит на своем месте, ключи лежат в моей сумке, банк не может войти сюда по одному письму. Все это правда.

Правда и то, что человек, с которым я прожила одиннадцать лет, увидел мой дом в чужом кредитном договоре и решил не задавать мне вопрос.

Я открываю пустую таблицу и называю ее «Дом. Хронология».

Первая строка — дата требования.

Вторая будет датой, когда я узнаю, кто поставил за меня подпись.

ГЛАВА 2. Запись в реестре

Выписка приходит в семь сорок утра. Я проверяю электронную подпись документа, сохраняю файл в две папки и только потом открываю раздел об ограничениях.

Запись существует.

Ипотека зарегистрирована шестнадцатого января. Залогодержатель — «Балтийский деловой». Основание — договор ипотеки, подписанный мною и банком, заявление подано в электронной форме. Срок обременения связан с кредитной линией «НордЛайн Логистики».

В графе собственника по-прежнему стою я одна.

Это должно успокаивать. Вместо этого я думаю о простой вещи: государственный реестр не знает, что я спала дома, пока от моего имени кто-то передавал этот дом банку. Реестр знает только документы, которые получил.

В восемь двадцать я паркуюсь у делового центра на Обводном канале. До встречи десять минут. В холле пахнет кофе из автомата и средством для пола. Я беру стакан воды, поднимаюсь на четвертый этаж и называю секретарю фамилию.

Нина Валерьевна Гришина выходит сама. Ей около сорока, на ней темно-синий брючный костюм и мягкие туфли без каблука. Она не пожимает мне руку через стол, не говорит, что все будет хорошо, и этим сразу располагает.

— Покажите оригинал требования и выписку.

Я раскладываю документы. Нина читает, отмечает номера на листе и задает вопросы по порядку: когда получен дом, когда заключен и расторгнут брак, было ли соглашение о разделе, выдавала ли я доверенности, пользовалась ли электронной подписью, работала ли в компании бывшего мужа.

— До развода я полтора года помогала им с договорами, — отвечаю я. — Не в штате. У меня был корпоративный адрес и доступ в облачное хранилище. Доверенность на подписание договоров от имени компании закончилась три года назад. Она не касалась моего имущества.

— Копия сохранилась?

— Да.

— Старый телефон, ноутбук, носители электронной подписи?

— Дома. Подпись была для отчетности моего работодателя, не для личных сделок. Сертификат давно истек.

— Ничего не включайте и не очищайте без необходимости. Нам может понадобиться специалист.

Она открывает выписку.

— Здесь указано, что документы поданы через посредника. Запросим регистрационное дело. Параллельно направим банку письменное возражение и требование предоставить копии того, на чем основано обременение.

— Можно снять запись сразу, если я заявлю, что не подписывала?

— Нет. Банк будет защищать зарегистрированное право, пока не увидит достаточное основание отказаться от него. Регистратор тоже не удалит запись по вашему письму. Наша первая задача — сохранить положение и получить документы.

— Что значит сохранить?

— Подать иск и попросить обеспечительную меру: запрет регистрационных действий с домом на время спора. Это не гарантирует решение в вашу пользу. Это не даст спорному объекту уйти дальше, пока суд разбирается.

— Банк уже может выставить дом на торги?

— Не по одному требованию, полученному вчера. Но ждать, пока он пройдет все следующие этапы, неразумно.

Я достаю блокнот.

— Сколько времени и денег?

Нина называет стоимость анализа и подготовки первых документов: пятьдесят пять тысяч. Ведение дела оплачивается этапами, ориентир — сто шестьдесят тысяч без экспертизы и дополнительных расходов. Срок она не обещает.

— Несколько месяцев, если стороны будут сотрудничать. Дольше, если возникнет спор о подлинности подписи и понадобятся исследования. Первую защиту можно получить раньше, но суд решает сам.

— Хорошо. Готовьте договор.

— Сначала прочитайте.

Она отправляет документ на мой адрес и оставляет меня в переговорной. Я читаю предмет поручения, этапы оплаты, пределы ответственности. В одном пункте указано, что расходы на привлеченных специалистов согласуются отдельно. В другом — что адвокат не гарантирует конкретный исход.

Контора, обещавшая снять обременение, потеряла клиента именно на слове «гарантированно». Нина получает его благодаря обратной формулировке.

Я задаю четыре вопроса, прошу уточнить порядок передачи оригиналов и подписываю договор. Первый платеж отправляю со своего счета. В таблицу расходов вношу сумму и дату.

— Теперь бывший муж, — говорит Нина. — Что он признал?

Я показываю сообщения и пересказываю разговор. Она просит не называть его слова признанием участия в подделке.

— Он подтвердил только, что видел дом в перечне и доверился сотруднику. Это важно, но это не ответ на вопрос, кто подписал документ от вашего имени.

— Если он видел дом, почему ничего не спросил?

— Вопрос хороший. Для разговора с ним, не для искового заявления без доказательств.

Мне хочется возразить, что нормальному человеку этого достаточно. Но я пришла не за оценкой нормальности.

Мы составляем перечень: наследство, соглашение о разделе, расторжение брака, старые доверенности, образцы подписи, переписка, подтверждение вчерашнего обращения. Нина подготавливает запросы и заявление в суд. Мне поручено найти все сведения о старых электронных подписях и не встречаться с Константином без цели.

— Он предлагает решить без суда.

— Пусть изложит условия письменно.

— Он не изложит.

— Тогда у вас нет предложения. Есть просьба ничего не делать.

В коридоре я набираю Сергея Михайловича.

— Я буду в офисе к одиннадцати. На пятницу может понадобится еще несколько часов.

— С домом серьезно?

— Обременение есть в реестре. Я наняла адвоката.

— Если нужна справка от работодателя, скажи.

Я останавливаюсь у лифта.

— Возможно, понадобится подтвердить, где я находилась в определенные даты.

— Система пропусков хранит данные год. Дальше часть уходит в архив. Дай даты, я попрошу службу безопасности ничего не удалять.

— Спасибо. Пока запрос сделает адвокат.

Это первый раз за сутки, когда помощь предлагают в точном объеме и без скрытой цены. Я принимаю ее.

На работе я закрываюсь в маленькой переговорной и просматриваю архив сертификатов электронной подписи. Старый рабочий сертификат истек три года назад. Еще один выпускался

для участия в закупках, но принадлежал работодателю, хранился на защищенном носителе и был уничтожен по акту при замене. Все документы есть.

В личном кабинете удостоверяющего центра никаких действующих сертификатов не видно. Это ничего не доказывает: спорный мог быть выпущен другим центром.

В половине первого Константин пишет: «Я у твоего офиса. Десять минут».

Я смотрю через стеклянную стену переговорной. На парковке его машину отсюда не видно.

«Присылай документы и условия письменно», — отвечаю я.

«Даша, я не враг».

«Тогда не требуй от меня бездействия».

Он звонит. Я отклоняю вызов и возвращаюсь к рабочему договору. Через пять минут секретарь сообщает, что внизу меня ждет посетитель.

— Передайте, что я не могу выйти.

Я могу. Просто не хочу проводить разговор на тротуаре, где он будет убеждать меня довериться срокам, которых не существует.

К двум часам Нина присылает проект возражения банку. В нем нет слова «мошенничество». Есть факты: я являюсь собственником, договор не заключала, электронную подпись для сделки не получала, прошу предоставить документы и приостановить действия до проверки. Отдельно указано, что я не признаю долг и обеспечение.

Я меняю одну дату, подтверждаю текст, и Нина отправляет его через официальный канал. Входящий номер появляется через сорок минут.

Затем приходит письмо из банка. Мне назначена встреча с менеджером корпоративного сопровождения на четверг. Они готовы показать копии документов после проверки личности и полномочий.

— Быстро, — говорит Нина по телефону. — Возможно, ваше вчерашнее обращение попало в службу контроля.

— Это хорошо?

— Это просто факт. На встречу идем вместе.

Через десять минут звонит помощница Ларисы Бессоновой. Она подтверждает встречу и просит заранее отправить скан паспорта на адрес, который диктует по буквам.

— Этот адрес указан на сайте банка? — спрашиваю я.

— Это внутренняя почта отдела. Так мы быстрее подготовим пропуск.

— Я покажу паспорт на входе. Для поиска дела у вас есть номер моего обращения.

Девушка повторяет, что просьба стандартная. Я прошу прислать перечень документов официальным ответом в личный кабинет.

Уведомление появляется через двадцать минут. В нем перечислены паспорт, выписка и документ о разводе; заранее отправлять копии не требуется. Я пересылаю письмо Нине.

— Сотрудница могла просто экономить время, — говорит она. — Хорошо, что вы не стали определять ее намерение и выбрали безопасный канал.

— Я начинаю подозревать каждого человека с электронной почтой.

— Подозрение помогает задать вопрос. Ответом оно не является.

Я записываю эту фразу на полях блокнота как рабочее правило на ближайшие месяцы.

До конца дня я проверяю контакты в государственных и банковских кабинетах. Старого корпоративного адреса нигде нет, номер телефона мой, вход подтверждается моим устройством. Меняю пароли там, где не делала этого после развода, сохраняю список действий и включаю уведомления об операциях с недвижимостью.

Страховой полис дома покрывает пожар, воду и повреждения, но не спор о подписи в кредитном пакете. Страховщик подтверждает это в чате. Документ не поможет снять ипотеку, зато я понимаю предел еще одной защиты, которую раньше считала достаточной.

Вечером я нахожу дома коробку со старыми рабочими вещами. Два токена электронной подписи, оба погашены и подписаны маркером. Телефон, которым я пользовалась до развода. Ноутбук с наклейкой «ДВ». Я фотографирую содержимое, ничего не подключаю и ставлю коробку в шкаф кабинета.

В папке с разводом лежит черновик соглашения. Константин сначала предлагал общий пункт: стороны не имеют имущественных претензий. Я настояла на отдельном описании дома. Тогда он сказал, что я усложняю очевидное.

Очевидное оказалось недостаточно подробным для чужих решений.

В девять вечера он присылает документ. Это не договор ипотеки, а таблица платежей компании. По ней просрочка действительно может быть закрыта за шесть недель, если крупный заказчик заплатит вовремя.

«Вот реальная ситуация. Дом никто не потеряет», — пишет он.

Я отвечаю: «Пришли документ с моей подписью».

Сообщение остается без ответа.

Перед сном я открываю выписку еще раз и увеличиваю строку с датой регистрации. Шестнадцатое января, вторник. В тот день я вернулась из командировки в Екатеринбург поздним рейсом. Если заявление подавали утром, я находилась в другом городе. Если вечером — в самолете или дороге.

Я проверяю календарь, нахожу билеты и пересылаю их Нине.

Она отвечает: «Сохраняем. Сами по себе билеты ничего не решают, но дата нужна».

Я добавляю в таблицу новую строку: «16 января. Регистрация. Командировка».

Теперь у записи в реестре есть первое противоречие.

Я нахожу посадочный талон и чек такси из аэропорта. Они подтверждают позднее возвращение, но Нина просит не смешивать дату регистрации с датой выпуска сертификата: заявление могло быть подано автоматически после подписания. Для идентификации важнее двенадцатое января, а билет шестнадцатого показывает только отсутствие моего личного визита в день регистрации.

Я разделяю события в таблице на две строки. Простая правка не дает мне преувеличить значение удобного алиби. Завтра банк покажет точное время выпуска подписи, и тогда работодателю понадобится искать другой рабочий день.

Утром я узнаю, когда именно от моего имени появился новый ключ.

ГЛАВА 3. Подпись после развода

В четверг утром Нина присылает мне копию заявления в суд и просит проверить только факты, которые зависят от меня. Я читаю текст дважды. Дом описан без ошибок, дата наследства верна, развод подтвержден, вчерашнее возражение банку приложено. В ходатайстве о временном запрете нет обещания, что суд обязательно согласится.

— Подписываем, — говорю я по телефону.

— В одиннадцать подадим. К банковской встрече будет входящий номер.

— Разве не нужно сначала получить их документы?

— Для окончательной позиции нужно. Для фиксации спора у нас уже есть выписка, ваше отрицание и риск взыскания. Если из банковского дела выяснится что-то важное, дополним.

Я отправляю подтверждение и еду на работу. До встречи в банке у меня два часа, и оба заняты обсуждением контракта на вентиляционное оборудование. Главный инженер хочет принять поставку без части паспортов, потому что объект отстает от графика. Я объясняю, почему недостающие документы нельзя считать формальностью.

— Оборудование физически стоит на складе, — говорит он. — Что изменит еще одна папка?

— Пока мы не проверили комплектность, мы не знаем, соответствует ли оно договору. Подписание акта изменит, кто потом будет доказывать нарушение.

Собственные слова звучат слишком уместно. Я не делюсь этим наблюдением с коллегами.

В половине двенадцатого встречаю Нину у входа в «Балтийский деловой». Здание на Московском проспекте отделано серым камнем, в холле стоят низкие диваны. На стойке у нас проверяют паспорта, затем сотрудник проводит в переговорную.

Лариса Павловна Бессонова представляется менеджером корпоративного сопровождения. Ей около сорока пяти, волосы коротко подстрижены, голос усталый. На столе лежит папка с копиями.

— Сразу уточню, — говорит она, — банк не признает нарушение до завершения проверки. Документы были поданы в установленном электронном порядке и прошли государственную регистрацию.

— Мы и не просим вас признать нарушение устно, — отвечает Нина. — Нам нужны основания, на которых банк считает Дарью Андреевну залогодателем.

Лариса пододвигает папку.

Я вижу договор ипотеки на девяти страницах. Мои паспортные данные, адрес, кадастровый номер. В конце — отметка об электронной подписи. Рядом распечатаны сведения о сертификате.

Фамилия моя.

Дата выпуска — двенадцатое января, за четыре дня до регистрации.

Брак расторгнут двадцать два месяца назад.

— Как проходила идентификация для выпуска сертификата? — спрашивает Нина.

— В пакете есть подтверждение удостоверяющего центра.

Лариса показывает отдельный лист. В нем указано, что личность проверена через уполномоченного регистратора. Место — Петербург, офис посредника. Время — пятнадцать часов сорок минут двенадцатого января.

Я открываю календарь в телефоне. В этот день у нас было выездное совещание на объекте в Шушарах. С двух до пяти я сидела в бытовке с заказчиком, проектировщиками и представителем подрядчика. Пропуск оформлялся заранее, протокол подписан всеми участниками.

— Я там не была.

— У вас есть подтверждение? — спрашивает Лариса.

— Будет. А что именно предъявил человек, которого идентифицировали?

— Этот вопрос направлен удостоверяющему центру.

— Куда пришло уведомление о сертификате?

Она листает копии.

— В представленном комплекте адрес скрыт частично. Полные сведения запросила служба контроля.

— Кто передал банку документы?

— Регистрационный посредник действовал в рамках пакета заемщика.

— Кто со стороны заемщика вел сделку?

— Финансовый директор Глеб Степанович Юдин.

Имя не удивляет. Удивление было бы удобной реакцией, но Константин назвал Глеба еще в первый день.

Нина просит копии всех страниц, сведения о времени подписания и квитанцию подачи. Лариса передает подготовленный комплект, но отказывает в части внутренних документов компании, ссылаясь на банковскую тайну.

— Мы запросим их через суд, — говорит Нина.

— Это ваше право.

— Банк остановит действия по взысканию до проверки?

— Решение принимает кредитный комитет. Сейчас требование направлено всем обязанным лицам. Дата торгов не назначена.

— То есть добровольно подтвердить паузу вы не готовы?

— Пока нет.

Лариса говорит без угрозы. Для нее мой дом — часть кредитного дела, по которому есть процедура. Она не обязана понимать, что у меня на втором этаже протекает окно после косого дождя и что я собиралась починить крышу до октября. Я тоже не обязана делать ее работу удобнее.

— Прошу приложить к внутренней проверке подтверждение, что в момент заявленной идентификации я находилась на объекте работодателя, — говорю я. — И сообщить, кто проверял мой личный номер телефона.

— Передайте через официальный канал.

— Передам сегодня.

Нина касается пальцем края моего блокнота, предупреждая следующий вопрос. Я понимаю: сейчас мы получили больше, чем имели утром. Спорить о выводах рано.

В кафе через дорожку она заказывает чай, я — кофе и сэндвич, который съедаю только наполовину.

— Электронная подпись усложняет дело? — спрашиваю я.

— Она создает презумпцию, с которой придется работать. Нам нужны сведения о выпуске, использовании и вашем фактическом местонахождении. Возможно, экспертиза устройств и журналов.

— Если ключ не на моем ноутбуке, этого достаточно?

— Нет. Он мог храниться на отдельном носителе, другом компьютере или удаленно. Отсутствие следа полезно вместе с другими фактами.

— Бывший муж подписал кредитный договор?

— В копиях, которые дали нам, его подпись есть на основном договоре. Приложение с перечнем обеспечения пока не полное.

— Значит, он знал.

— Вы знаете из разговора, что он видел дом. Документальную степень знания еще устанавливаем.

Эта фраза раздражает меня уже второй раз. Поэтому, вероятно, ее стоит запомнить.

Нина показывает письмо из суда: заявление принято, вопрос о мерах рассмотрят отдельно. Нам нужно срочно приложить договор ипотеки и сведения о сертификате.

— Сегодня отправлю дополнение. Вы получите справку с работы?

Я звоню Сергею Михайловичу. Через час служба безопасности выдает заверенную выписку из системы пропусков: двенадцатого января я вошла на объект в тринадцать двадцать семь и вышла в семнадцать сорок две. К ней прилагают копию протокола совещания, где мои подписи стоят на первой и последней страницах. Подписи обычные, сделанные ручкой. Они похожи на ту, которую я ставлю много лет.

Спорная электронная подпись внешне ни на что не похожа. Она существует набором данных, который кто-то получил от моего имени.

В отделе кадров я прошу справку о должности и графике. Специалист смотрит на меня поверх монитора.

— Для визы?

— Для суда.

Она перестает улыбаться и не задает лишних вопросов.

К четырем все документы уходят Нине и в банк. Я сохраняю квитанции. Потом беру распечатку спорного договора и прохожу по нему строка за строкой.

В разделе для уведомлений указан адрес электронной почты, закрытый звездочками. Видны первая буква и домен: d***@nordline.ru.

Мой старый адрес начинался с d.vedeneeva.

После развода я попросила удалить учетную запись. Глеб ответил, что адрес заблокирован, архив передан Константину по акту. Письмо должно быть у меня.

Я ищу его в личной почте и нахожу за минуту.

«Доступ пользователя прекращен. Учетная запись переведена в архивный режим сроком на три года в соответствии с политикой хранения компании».

Архивный режим — не удаление. Я знала это, когда читала письмо два года назад, но тогда меня интересовало только прекращение доступа.

Я пересылаю сообщение Нине.

Она звонит сразу.

— Не пишите пока Глебу и не просите восстановить почту самостоятельно. Запросим у банка полный адрес и источник контактных данных.

— Если уведомление пришло туда, кто мог его прочитать?

— Пока мы знаем только, куда оно могло прийти.

— Вы всегда отвечаете ровно на один вопрос меньше, чем мне нужно?

— Я стараюсь не отвечать на один вопрос больше, чем позволяют документы.

Я впервые за два дня смеюсь. Коротко и без особой радости, но Нина тоже смягчает голос.

— Нам нужен специалист по цифровым документам, — говорит она. — Не тот, кто обещает найти автора подписи по одному файлу. Я пришлю два контакта. Выберите после встреч.

— Зачем две встречи?

— Чтобы вы понимали метод, сроки и пределы. Эксперта потом будут критиковать в суде. Вам нужен человек, чьи выводы выдержат неудобные вопросы.

Вечером я получаю договор от первого бюро и ссылку на сайт второго — «Фактум». Руководитель направления Матвей Романович Корсаков. В описании услуг нет слов «раскроем любую подделку». Есть перечень: исследование сертификатов, носителей, журналов доступа, метаданных и последовательности передачи документов.

Я отправляю запрос на консультацию.

Константин звонит в девять. На этот раз я отвечаю, включив запись разговора после предупреждения.

— Ты подала в суд? — спрашивает он.

— Да.

— Зачем, если банк еще ничего не сделал?

— Банк зарегистрировал ипотеку восемь месяцев назад и прислал требование. Этого достаточно.

— Ты понимаешь, что информация о споре попадет кредиторам?

— Понимаю.

— Компания может потерять лимиты. Там сто шестьдесят восемь человек.

— Моя подпись выпущена после развода. В день идентификации я находилась на работе в другом месте. Уведомление ушло на старый адрес вашей компании. Ты понимаешь это?

Он не отвечает сразу.

— Я не занимался электронной подписью.

— Кто занимался?

— Глеб вел пакет. Он сказал, что у него есть согласование.

— С кем?

— Не знаю.

— Узнай и пришли мне письменно.

— Дай мне два дня.

— У тебя было восемь месяцев.

Он снова начинает говорить о платежном графике. Мы уже обсудили его в первый день, поэтому я заканчиваю разговор.

Через десять минут приходит ответ из «Фактума». Матвей Корсаков готов встретиться завтра в четыре. Перед встречей он просит не присылать образы устройств и не пересылать спорные файлы через мессенджер. Нужны только перечень имеющихся материалов, даты и вопросы, на которые мы хотим получить проверяемый ответ.

Я составляю список.

Вопрос «Кто выпустил подпись?» вычеркиваю. У эксперта может не оказаться данных, позволяющих назвать человека.

Могла ли подпись быть создана и использована без моих устройств?

Какой адрес получил уведомление?

Откуда был отправлен подписанный пакет?

Совпадают ли даты в документах и журналах?

Какие исходные материалы нужны для надежного вывода?

В таблице «Дом. Хронология» появляется третья строка: «12 января. Сертификат выпущен после развода. Заявленная идентификация противоречит данным работодателя».

Теперь мне известно, что подпись не старая и не случайно сохранившаяся. Кто-то начал отдельную процедуру, когда Константин уже не мог даже притвориться, что действует как мой муж.

Завтра я встречу с человеком, который не обещает назвать виновного.

Именно поэтому я надеюсь, что он поможет установить правду.

Перед сном я переносу коробку с устройствами из шкафа в кабинет и наклеиваю бумажную пломбу с датой. Нина подтверждает, что самодельная пломба не заменяет профессиональную опись, зато покажет, что до встречи коробку не открывали.

Я фотографирую ее и отправляю снимок в защищенный архив. Утром сначала будет работа, потом две консультации. Выбор эксперта тоже станет моим решением, а не фамилией, которую адвокат назначил без обсуждения.

Мне нужен человек, который не заменит отсутствие факта уверенным обещанием.

ГЛАВА 4. Эксперт без обещаний

Бюро «Фактум» занимает половину третьего этажа бывшего заводского корпуса на Васильевском острове. У входа нет блестящей таблички с обещанием раскрыть любую тайну. Только название, часы работы и номер офиса.

Матвей Корсаков встречается меня в приемной ровно в четыре. На фотографии сайта он выглядел младше, в жизни у него заметна седина на висках и тонкая складка между бровей. Он не оценивает мою внешность и не предлагает обращаться на «ты» ради доверия.

— Дарья Андреевна, проходите. Нина Валерьевна подключится по связи?

— Через пять минут.

В переговорной стоят монитор, стол и закрытый шкаф для носителей. Матвей просит меня не выкладывать телефон рядом с документами, пока мы не определим, понадобится ли его исследовать. Затем открывает присланный список вопросов.

— Начнем с ожиданий. Что вы хотите получить в конце?

— Доказательство, что подпись не моя.

— Электронная подпись выпущена на ваше имя. Формулировка «не моя» понятна в разговоре, но для исследования слишком широкая. Мы можем проверить, есть ли на ваших устройствах следы ключа и подписания, соответствуют ли журналы заявленному времени, каким маршрутом прошел файл. При наличии данных удостоверяющего центра — как выпускался сертификат.

— А кто это сделал?

— Если журналы содержат идентификатор конкретного пользователя или устройства, мы опишем связь. Если нет, фамилию придумывать не будем.

Нина появляется на экране и здоровается. Матвей показывает перечень исходных материалов: спорный контейнер подписи, квитанции сервиса, журналы удостоверяющего центра, банковскую версию файла, мои устройства и сведения работодателя.

— Половины этого у нас пока нет, — говорю я.

— Поэтому сегодня я не обещаю вывод. Сначала оцениваю, можно ли провести надежное исследование.

Первый эксперт, с которым я говорила утром, обещал за три дня определить компьютер, с которого подписан договор. Когда я спросила, нужны ли журналы, он ответил, что хороший специалист найдет все по метаданным файла. Матвей слушает мой пересказ без улыбки.

— Иногда файл хранит полезные сведения. Иногда после подписания и загрузки сервис создает новый контейнер. Три дня могут уйти только на получение исходников.

— Сколько понадобится вам?

— Пять-шесть недель после передачи достаточного комплекта. Промежуточные выводы возможны раньше. Стоимость — двести десять тысяч, по этапам.

Я записываю сумму. Она укладывается в паспорт, но вместе с адвокатом забирает почти треть резерва.

— Если материалов окажется недостаточно?

— Остановимся после первого этапа. В заключении укажем ограничения. Вы оплатите выполненную часть.

— Очень привлекательное предложение.

— Оно должно быть понятным, не привлекательным.

Нина скрывает улыбку, опустив взгляд в бумаги. Я тоже могла бы счесть ответ высокомерным. Вместо этого прошу показать пример обезличенного заключения.

Матвей дает мне папку. В ней нет выводов крупным шрифтом и цветных диаграмм ради впечатления. Каждый источник описан отдельно, каждому файлу присвоен контрольный идентификатор, ограничения вынесены в начало.

— Кто будет копировать устройства?

— Я или мой сотрудник при вас. Составим опись, создадим неизменяемые копии, оригиналы вернем. Область исследования согласуем заранее. Личную переписку за пределами задачи не читаем.

— Вы не можете гарантировать, что случайно ее не увидите.

— Не могу. Могу ограничить поиск конкретными каталогами, датами и типами данных, вести журнал доступа и остановиться, если понадобится расширение.

Я спрашиваю о хранении, резервных копиях, доступе сотрудников, удалении материалов после дела. Он отвечает без раздражения. Один раз говорит «не знаю» — на вопрос, представит ли удостоверяющий центр полные журналы по запросу банка.

Разговор длится час. К концу у меня нет обещания победы, зато есть список того, что можно проверить и что останется за пределами экспертизы.

— Мне нужно сравнить ваше предложение со вторым, — говорю я.

— Разумно.

Он не пытается закрыть сделку сегодня. Провожает до приемной и передает проект договора.

На улице начинается обычный мелкий дождь. Я раскрываю зонт и звоню Нине.

— Второй специалист дешевле на сорок тысяч и обещает результат за неделю.

— Что именно обещает?

— Установить компьютер подписанта.

— У вас есть сомнения?

— Есть. Он не спросил про исходный контейнер и предложил прислать образ ноутбука через файлообменник.

— Решение ваше.

Второе бюро находится в новом жилом комплексе на Петроградской стороне. Консультацию проводит владелец, представившийся Антоном. На столе у него стоят три монитора, на стене висит диплом участника конференции десятилетней давности.

— Сразу скажу: схема типовая, — сообщает он, просмотрев две страницы. — Берут старую почту, выпускают ключ, подписывают. За неделю найдем, откуда все началось.

— Какие исходные данные вам нужны?

— Ноутбук, телефон и файл договора. Остальное запросим потом.

— Каким образом установите компьютер подписанта без журнала сервиса?

— Метаданные остаются всегда.

— Матвей Корсаков сказал, что сервис мог пересобрать контейнер.

Антон усмехается.

— Корсаков любит писать отчеты по сорок страниц и оставлять клиента с формулировкой «установить не представилось возможным». Я работаю на результат.

— Что будет результатом в договоре?

Он открывает шаблон. Предмет обозначен как информационно-технические услуги, конкретные вопросы отсутствуют. Заказчик оплачивает сто семьдесят тысяч сразу. Ответственность исполнителя ограничена консультацией.

— Заключение для суда вы подпишете?

— Если понадобится. Сначала разберемся по-человечески.

— Хранение копий устройств где описано?

— У нас защищенный сервер.

— В договоре?

— Дарья Андреевна, вы пришли спасти дом или провести аудит моей компании?

— Пока выбираю человека, которому дам доступ к личным данным.

Я закрываю шаблон. Антон обещает скидку, если подпишу сегодня. Отказываюсь и прошу удалить присланные копии после консультации. Он заверяет, что ничего не сохранял, хотя минуту назад показывал мне файл со своего рабочего стола.

На лестнице я записываю различия двух предложений. Цена Матвея выше. Срок длиннее. Обещаний меньше. Зато в договоре есть вопросы, порядок хранения, состав действий и право остановить работу после первого этапа.

Нина не выбирает за меня. Она только напоминает, что эксперта могут вызвать в суд и спросить, на основании чего сделан каждый вывод.

На следующий день я проверяю Фактум по открытым реестрам, нахожу судебные акты, где их заключения принимались и критиковались. В одном деле суд отверг часть вывода из-за недостаточных источников. Матвей прямо указал ограничение, а клиент пытался расширить смысл отчета. Этот эпизод убеждает меня сильнее списка побед.

Я пишу ему три дополнительных вопроса. Кто вправе присутствовать при копировании? Можно ли отозвать согласие на исследование личного раздела? Получу ли я перечень всех открытых файлов?

Ответ приходит пунктами. Присутствовать могу я и адвокат. Область можно сузить, однако это повлияет на вывод. Журнал доступа предоставят вместе с актом.

В пятницу днем мы втроем обсуждаем договор по связи. Нина просит отделить техническое заключение от консультаций для суда. Матвей меняет приложение и назначает отдельную ставку на случай вызова. Я уточняю, почему хранение длится шесть месяцев после завершения дела.

— Может понадобится повторная проверка по запросу суда. После срока уничтожим копии по акту либо продлим хранение с вашим письменным согласием.

— А если дело закончится раньше?

— Уничтожим по вашему требованию после подтверждения Нины Валерьевны, что материалы больше не нужны.

Я читаю исправления. Никто не торопит меня поставить подпись.

В этот день на работе мы отклоняем изменение цены подрядчика. Я объясняю директору проекта, какие документы могли бы изменить позицию. Он ворчит, но просит составить перечень. Меня радует обычный профессиональный спор: здесь участники знают, что мое несогласие действует до нового решения, а не до чужого срока.

Я останавливаюсь у машины. Матвей не понравился мне в простом смысле этого слова: он спорил с формулировками, не поддержал ни одной моей догадки и назначил высокую цену. Но я верю его границам больше, чем чужой уверенности.

— Выбираем «Фактум».

— Тогда я запрошу документы с учетом их методики.

Дома я читаю договор. В нем перечислены четыре этапа и отдельно сказано: заключение не устанавливает вину и не заменяет правовую оценку. Я прошу уточнить срок уведомления, если появится необходимость расширить область исследования. Матвей отвечает через полчаса и присылает исправленный пункт.

Константин пишет, что готов встретиться завтра. Никаких документов не прикладывает.

Я отвечаю: «Сформулируй цель встречи и условия письменно».

«Цель — не дать тебе разрушить компанию из-за ошибки».

Я читаю сообщение дважды. Раньше на слове «ошибка» я бы начала доказывать, что произошло сознательное действие. Теперь открываю таблицу и записываю: Константин считает случившееся ошибкой либо хочет, чтобы я так считала. Ни одно предположение пока не факт.

Утром подписываю договор с «Фактумом» и оплачиваю первый этап. Матвей подтверждает получение и назначает совместную встречу с Ниной на понедельник.

— До этого ничего не подключать? — уточняю я.

— Старые устройства не включать. Текущим телефоном пользуйтесь как обычно, только не удаляйте сообщения. Нормальная жизнь не должна останавливаться ради чистоты исследования.

— Она уже остановилась.

— Тогда наша работа должна помочь вернуть ей порядок, а не создать новый запрет.

Это первая его фраза, которая выходит за пределы перечня методов. Он тут же возвращается к времени встречи.

Я кладу телефон и понимаю, что выбрала не человека, который согласен со мной. Я выбрала человека, который сможет возразить так, чтобы вывод не развалился при первом чужом вопросе.

В тот же день я звоню в страховую и уточняю, покрывает ли полис расходы на спор о праве. Ответ отрицательный: защита титула в договор не включена. Я запрашиваю письменное подтверждение и добавляю в бюджет строку с нулевым возмещением.

Матвей, увидев ответ в пакете Нины, спрашивает, зачем он передан эксперту.

— Чтобы подтвердить источник оплаты.

— Его подтверждает ваш счет. Полис к техническим материалам не относится.

Он возвращает лишний документ вместо того, чтобы увеличивать папку ради солидности. Это становится еще одной причиной выбора.

Теперь мне нужно научиться выдерживать его возражения.

Нина просит письменно подтвердить выбор и причины. Я перечисляю не симпатию и не впечатление от офиса: определенная область исследования, поэтапная оплата, журнал доступа, хранение копий, готовность назвать ограничения. Этот список пригодится, если другая сторона спросит, почему я выбрала именно Фактум.

Матвей получает письмо в копии и отвечает, что основания приняты. Он не благодарит за доверие заранее. Доверие пока существует в форме договора, где каждый знает, что обязан сделать и чего обещать не вправе.

В понедельник мы начнем с описи и согласованных пределов. Тогда я смогу проверить, выполняет ли «Фактум» собственные условия.

Я уже знаю, почему готова услышать от Матвея неприятный ответ.

ГЛАВА 5. Цена молчания

Константин присылает условия в понедельник в восемь утра. Одной страницей, без подписи.

Он предлагает оплатить адвоката и экспертизу, закрыть просрочку компании за шесть недель и после этого добиться снятия ипотеки. От меня требуется приостановить суд, отозвать возражение банку и не сообщать о споре контрагентам «НордЛайна».

Внизу стоит фраза: «Стороны подтверждают отсутствие взаимных претензий».

Я пересылаю документ Нине и еду к ней до работы.

— Это не соглашение, — говорит она. — Нет механизма снятия записи, обеспечения платежа, ответственности за неисполнение. Даже если компания погасит просрочку, ипотека может сохраняться до полного возврата кредита.

— Еще три года.

— По графику — да.

— Он предлагает купить мое молчание моими же рисками.

— Это ваша оценка. В ответе достаточно написать, что условия неприемлемы.

Я хочу добавить десяток предложений. Про одиннадцать лет брака, про старый отказ, про привычку Константина называть решение временным. Нина предлагает оставить два абзаца: я не приостанавливаю защиту, готова рассмотреть только документ, который прекращает обременение без новых обязательств с моей стороны.

Мы отправляем ответ.

Через час Константин появляется в холле моего офиса. На этот раз он записался как посетитель к директору и получил пропуск. Сергей Михайлович звонит мне:

— Воронцов утверждает, что вопрос касается возможного конфликта компаний. Это так?

— Нет. Наши договоры не пересекаются. Он пришел из-за моего дома.

— Хочешь, я его провожу?

Я могла бы согласиться. Но тогда Константин будет искать следующий вход.

— Дайте нам переговорную на пятнадцать минут. С открытой дверью.

Он уже ждет у окна. За два года почти не изменился: серый костюм, дорогие часы, привычка класть телефон экраном вниз. Я сажусь напротив и включаю запись, предупредив его.

— Это обязательно?

— Да.

— Тогда разговор будет коротким. Ты отвергла нормальный выход.

— Нормальный для кого?

— Для всех. Мы вносим платежи, банк успокаивается, ты не тратишь деньги. Я оплачиваю расходы.

— И мой дом остается в ипотеке.

— Формально. Реального взыскания не будет.

— Ты уже один раз счел мое согласие формальностью.

Он отводит взгляд к стеклянной двери.

— Я не подделывал подпись.

— Я этого пока не утверждала. Ты видел дом в перечне?

— Видел.

— До выдачи кредита?

— Да.

— Ты знал, что после развода я не давала нового согласия?

— Я знал, что лично со мной ты это не обсуждала. Глеб сказал, что финансовый отдел связался с тобой через посредника.

— Почему ты не проверил?

— Потому что у нас срывалась сделка на сто миллионов и каждый день задержки стоил рабочих мест. Потому что ты всегда читала документы и могла согласовать их напрямую. Потому что я не представлял, что кто-то оформит пакет незаконно.

— Ты представлял, что я отдам дом компании, из которой ушла два года назад?

— Я представлял, что ты понимаешь последствия банкротства.

Вот она, знакомая подмена. Если я не отдаю ресурс, значит не понимаю общей пользы.

— Я понимаю. Сто шестьдесят восемь сотрудников, просрочка, крупный контракт. Я также понимаю, что собственник вправе сказать нет.

— Ты всегда умела поставить правило выше людей.

— А ты всегда находил людей, которыми можно оправдать нарушение правила.

Он встает, проходит к окну и возвращается. В открытой двери появляется секретарь, убеждается, что все спокойно, и уходит.

— Что ты хочешь? — спрашивает Константин.

— Копии полного кредитного пакета. Письменное объяснение, кто поручил связаться со мной, когда и каким способом. Содействие банку в снятии ипотеки.

— Если банк уберет дом сейчас, он потребует другое обеспечение или досрочное погашение. У компании нет свободных активов.

— Это проблема компании.

— Ты работала с нами. Ты знаешь этих людей.

— Поэтому мне неприятно. Но дом принадлежит не им.

Он опирается ладонями о стол.

— Дай шесть недель.

— Нет.

— Ты даже не думаешь.

— Я думаю четвертый день. Ты думал восемь месяцев и ни разу мне не позвонил.

Константин забирает телефон. Перед дверью останавливается.

— Если компания рухнет, ты не сможешь сказать, что не знала цену.

— Я уже знаю цену. Ты предложил оплатить ею мой дом.

После его ухода я закрываю запись и сразу записываю время. Руки работают нормально, но я дважды ошибаюсь в названии файла. Приходится остановиться и назвать происходящее прямо: я злюсь. Не на банк, не на Глеба, которого почти не видела после развода. На Константина, потому что он по-прежнему уверен: последствия его решения создают обязанность для меня.

Сергей Михайлович заходит без стука, поскольку дверь открыта.

— Он угрожал?

— Сообщил о последствиях. Угрозой я это пока не называю.

— Хорошо. Но больше пропуск ему без твоего согласия не выдадут.

— Спасибо.

В обед встречаюсь с Ниной и Матвеем. Мы передаем копии банковского пакета и справки работодателя. Матвей проверяет целостность файлов, составляет описание и задает вопрос о старой корпоративной почте.

— Кто контролировал домен после вашего ухода?

— IT-служба компании. Финансовый директор мог давать заявки на восстановление доступа.

— Мог по должности или вы знаете о конкретном случае?

— По должности.

— Тогда пока фиксируем возможность, не действие.

Я показываю ему письмо об архивном режиме.

— Это полезно. Нужна политика хранения и журналы обращений к учетной записи.

Нина подготовит запрос через банк и суд. Матвей предлагает сначала исследовать банковские файлы и сведения сертификата, а устройства копировать после уточнения дат.

— Вы отказались от денег бывшего мужа? — спрашивает он, увидев приложенные условия.

— Это имеет значение для экспертизы?

— Для моей оплаты. Я должен знать, кто фактически заказчик.

— Плачу я. Все платежи с моего счета.

— Тогда вопрос закрыт.

Его интересует независимость заключения. Моя принципиальность к предмету экспертизы отношения не имеет. Я снова испытываю раздражение и уважение одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.